

УДК-328:352(470+571)

DOI: 10.17072/2218-1067-2019-4-44-57

**ПРИ ПОМОЩИ КАКИХ ДЕПУТАТОВ ПРАВЯТ?
СОСТАВ ПРЕДСТАВИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ МАЛЫХ ГОРОДОВ
УДМУРТСКОЙ РЕСПУБЛИКИ ГЛАЗАМИ САМИХ ДЕПУТАТОВ**

Виталий Ковин

*Пермский федеральный исследовательский центр
Пермский государственный педагогический университет*

Аннотация

В статье на основе интервью рассматривается социальная характеристика составов представительных органов власти пяти малых городов Удмуртской республики: Глазов, Можга, Сарапул, Воткинск и Камбарка. Городские собрания депутатов не играют определяющей роли распределении власти в российских городских сообществах, относятся к так называемым «спящим институтам». Их состав во многом зависит от экономической структуры малых городов и кадровой политики глав администраций. Однако они сохраняют роль публичных площадок для демонстрации политических амбиций и статусов индивидуальных и коллективных игроков локальной политики, используются для наглядного обозначения своего присутствия в местной политике. Для ведущих местных акторов они остаются инструментами формального контроля над решениями городской администрации по распоряжению местными ресурсами. Проведенное полевое исследование, а также анализ статистических и биографических данных, позволили уточнить классификацию социального состава легислатур, выделив пять основных категорий депутатов малых городов - «бюджетники», «малый и средний бизнес», «крупный бизнес» (или «заводские»); «общественники» и «другие», а также выделить четыре модели управления городскими собраниями с опорой на те или иные группы.

Ключевые слова: малые города; местное самоуправление; депутаты; локальная политика; локальные режимы; легислатуры.

Введение

Исследование власти в городских сообществах является давно и активно развивающимся направлением как в западной, начиная с 1920-х гг., (Mossberger, Clarke, 2012), так и в отечественной, с начала 1990-х гг., политологии (Гельман, 2008; Ледаев, 2012; Чирикова, 2017). Однако, как в силу огромного разнообразия самих городских сообществ в России и за рубежом, так и в силу многоаспектности функционирования власти в них, вряд ли можно говорить о каком-то исчерпании изучения данного феномена в ближайшее время. Тем более, что в России, несмотря на известный скепсис в отношении самостоятельности локальной политики в условиях созданной гиперцентрализованной политической системы, а также в отношении применимости зарубежного опыта для ее изучения, данное направление только обретает методологические и концептуальные рамки. К тому же, изучение феномена власти в российских городах и локальной политики вообще, развивается крайне неравномерно от региона к региону. Вариативность российских региональных политических режимов создает условия для проведения компаративистских исследований разнообразия властных практик, сложившихся в больших и малых городских сообществах и для построения теоретических обобщений на их основе.

Данное исследование затрагивает лишь один из аспектов функционирования феномена власти в городских сообществах - специфику состава и деятельности депутатов представительных органов власти (легислатур) в малых и средних («нестоличных») российских городах, которые составляют большую часть городских образований России и в которых значимую социально-экономическую роль играют крупные промышленные предприятия. Региональной основой для полевого исследования местных легислатур стала Удмуртская республика (УР), поселенческая структура которой (всего 6 городов) позволяет исследователю непосредственно полностью охватить феномен «малого промышленного города» (всего 5 городов) на данной территории. К тому же, специфика функциониро-

вания депутатского корпуса городских органов местного самоуправления (МСУ) Удмуртии еще не стала предметом должного изучения.

Политолог Станислав Шкель справедливо отметил некоторую неравномерность в изучении локальной политики в разных регионах (Шкель, 2018: 669). На протяжении уже многих лет активно локальные политические процессы изучают политологи Пермского края и Свердловской области (Киселев, 2007; Витковская, 2014, 2017; Панов, 2019; Гилев и др., 2017). Ведущие российские специалисты по городским режимам А.Чирикова, В. Ледяев, Д. Сельцер в качестве эмпирической базы для своих исследований и теоретических построений в основном рассматривали города Пермского края, Ивановской, Тамбовской, Вологодской, Ростовской, Самарской и ряда других областей. В то же время в других регионах внимание локальной и городской политике уделяется значительно меньше. Недавнее исследование С. Шкеля несколько восполнило этот пробел в отношении Республики Башкортостан (Шкель, 2018).

Развитие местного самоуправления в Удмуртии преимущественно являлось предметом исследований республиканских историков (Зубкова, 2010; Бехтерева, 2012 и др.) и правоведов (Войтович, 2016). Историки акцентировали внимание на процессах становления МСУ республики в постсоветский период, а правоведы большее внимание уделяли месту МСУ в развитии системы удмуртской государственности.

При этом, вряд ли можно поставить под сомнение выводы многих авторов (Чирикова, 2017; Чирикова и др. 2014; Панов, 2019; Гельман, 2010; Витковская, 2015; Шкель, 2018; Семенов, 2017; Росс, 2008; Ross 2006; Подвинцев, 2018), исследовавших феномен муниципальной власти в России, о том, что legislatures и их депутаты не относятся к тем политическим акторам, которые рассматриваются в качестве вариантов ответов на фундаментальный исследовательский вопрос – «кто правит?». Отсюда закономерно, что акцент делался на изучении глав МСУ, характера отношений между региональной и местной администрациями. А.Семенов и И.Швецова в рамках сравнительного исследования биографических характеристик глав МСУ (2000–2015 гг.) Пермского края и Республики Удмуртия на основе созданной ими просопографической базы данных (Семенов, 2017: 259), отметили, что существенным пробелом в изучении локальных политических процессов является «агентская» составляющая (Семенов, 2017: 262). Иначе говоря, мы плохо себе представляем, кто *именно* правит на местном уровне, что характерно для тех лиц, которые приходят к власти. Причем, чуть ли не меньше всего мы знаем о персональном составе городских legislatures.

Существующие конфигурации власти в российских городах не позволяют рассматривать городские legislatures в качестве самостоятельного и значимого субъекта властных отношений сравнимого с городской администрацией, главами городов, региональной властью, а в некоторых случаях с такими «внешними» субъектами, как «завод», «авторитетный бизнес» или «силовики». При этом, формально городские представительные органы, согласно действующему законодательству, рассматриваются как один из органов местной власти и наделены определенными властными полномочиями. На практике деятельность депутатов преимущественно сводится к легитимации решений, принятых региональной и/или местной администрацией, к приведению местных норм в соответствие с федеральным и региональным законодательством¹. Это несоответствие между формальными установлениями и реальной властной практикой позволило Станиславу Шкелю, на примере малых городов Башкирии, поставить вопрос: «Почему депутаты не бунтуют?» (Шкель, 2019), имея в виду то, почему они не претендуют на политическую субъектность, на более активную роль в принятии властных решений.

В рамках данного исследования нас интересовали такие вопросы, как: «Кто и почему, по мнению самих депутатов, идет в орган, который не является значимым субъектом власти в городских сообществах?», «Смирились ли депутаты со своим местом в системе принятия властных решений?», «Отражает ли состав городской legislatures реальную конфигурацию власти в городе, городского режима?», «Какие вопросы городской повестки способны вызвать раскол в депутатском корпусе и повышение их субъектности?». Данная статья является лишь первой из серии статей, посвященных ответам на данные вопросы.

Гипотеза исследования заключается в том, что legislatures малых городов, хотя и относятся к так называемым «спящим институтам» - прописанным в законе, но не играющим самостоятельной роли в принятии властных решений в рамках городского режима, поскольку реальная власть находится в других местах (Захаров, 2012; Шульман, 2017) – однако, они сохраняют роль публичных

¹ На что неоднократно указывали респонденты в своих интервью.

площадок для демонстрации политических амбиций и статусов индивидуальных и коллективных игроков из местного городского сообщества. Думы используются для наглядного обозначения своего присутствия в местной политике. Для ведущих местных акторов они также остаются потенциальными («на всякий случай») каналами формального контроля деятельности городской администрации по распоряжению местными ресурсами.

Методология и методы исследования и их ограничения

На сегодняшний день основными объяснительными моделями городской политики являются концепция «машин роста», предложенная Х.Молотчем и Дж. Логаном (Logan, Molotch, 1987) и теория «городских режимов» (Pierre, 2014; Ледаев, 2008; Чирикова, 2017, 28–35, 58–65). В центре их внимания природа правящих городских коалиций. В первом случае акцент делается на местных бизнес-группах, заинтересованных в экономическом росте и капитализации городских ресурсов. Во втором допускается большая вариативность городских властных коалиций, где коалиция роста является лишь одной из возможных моделей. Коллектив исследователей под руководством В.Гельмана, адаптируя концепцию городских режимов к российским реалиям, выделили три их основных типа: режим «поддержания статус-кво», основанный на распределении социальных ресурсов; «режим роста и развития» с активным вовлечением во власть бизнес-элиты; «прогрессивный режим», направленный на сохранение городской среды и ограничение роста (Гельман, 2010). Для малых и средних городов наиболее характерны режимы поддержания статус-кво, «где доминируют коалиции, осуществляющие дележ ограниченного объема бюджетных ресурсов, значительная доля которых распределяется на вышестоящих уровнях власти и управления» (Чирикова, Ледаев, 2017: 47). Российские авторы также отмечают определяющее влияние региональных властей на локальную политику и местное управление, более значимую политическую роль публичной городской власти (администрации), а также стремление основных акторов (крупного бизнеса, администрации) к монополизации власти (доминированию), особенно в моногородах. В этих условиях депутатские собрания изначально заметно уступают по потенциалу своего влияния региональной и местной исполнительной власти, крупным предприятиям, однако, они остаются важными официальными и публичными институтами, чьи ресурсы при определенных обстоятельствах могут быть мобилизованы теми или иными акторами локальной политики.

Для оценки состава депутатских корпусов малых городов Удмуртии, формальных и неформальных практик их функционирования с точки зрения самих депутатов использовался метод глубинных и экспертных интервью. В августе-сентябре 2019 г. глубинные полуструктурированные интервью были взяты у не менее трех депутатов каждой городской ассамблеи, а также у региональных и местных экспертов из числа журналистов, ученых, общественников, бывших депутатов и глав городов (всего 25 интервью). Гайд интервью депутатов включал несколько блоков вопросов: каковы были личные мотивы респондента, побудившие его стать городским депутатом; каким респонденту видится социальный состав действующего депутатского корпуса и степень влияния отдельных групп; каковы основные «точки напряжения» в отношениях с главами и администрацией.

Также были собраны и проанализированы электоральные и иные статистические и биографические данные относительно состава депутатского корпуса малых городов Удмуртии. Данные собирались по открытым источникам, опубликованным на официальных интернет-страницах городских советов, Избирательной комиссии Удмуртской республики, системы ГАС «Выборы». База данных включила 120 единиц наблюдений по действующим депутатам в пяти малых городах УР. Анализ осуществлялся по следующим переменным: пол, возраст, партийная принадлежность, сфера профессиональной деятельности, социальная категория депутата, опыт депутатской деятельности.

Качество подобного рода полевых исследований зависит от доступности и полноты информации о депутатском корпусе городского собрания, размещаемой на их официальных страницах и от готовности депутатов идти на контакт. Биографические и иные сведения о деятельности депутатов, регулярное и подробное освещение сессий городских собраний и принимаемых ими решений, позволяют более качественно подготовиться к глубинному интервью с респондентами и заранее определить наиболее актуальные и значимые проблемы местной политики, вокруг которых должен вестись разговор. К сожалению, полнота и качество данной информации также отличается от муниципалитета к муниципалитету. Только в двух случаях – Глазов и Можга - интернет-ресурсы городского собрания могут являться относительно полноценным источником информации о деятельности представительного органа, о рассматриваемых им вопросах и принимаемых решениях. На основе информа-

ции, представленной на официальных ресурсах городских собраний, а также в местных СМИ, крайне сложно судить о настоящей депутатской активности, политических и иных предпочтениях депутатов. Уже в силу этих обстоятельств комплексное исследование политического потенциала депутатского корпуса малых городов Удмуртии без проведения глубинных интервью, в идеале с каждым из депутатов, представляется затруднительным.

Малые города Удмуртии: эмпирическая база исследования

Традиционно статистика относит к «малым городам» поселения с численностью жителей до 50 тыс., а к «средним городам» – до 100 тыс. В составе Удмуртской Республики насчитывается всего 6 городов: 5 городов республиканского значения (Ижевск, Глазов, Воткинск, Сарапул, Можга) и 1 городское поселение (Камбарка). В столице Удмуртской Республики, г. Ижевске, проживает 647,2 тыс. чел. (на конец 2017 г.). Остальные города значительно уступают в численности (см. табл. 1) и насчитывают менее 100 тыс. жителей. В рамках данного исследования все города республики, кроме Ижевска, условно обозначаются как «малые города». Согласно типологии Н.Зубаревич Глазов, Воткинск, Сарапул, Можга могут быть отнесены ко «второй России» - России жителей малых городов с невысокими доходами и уровнем образования, ориентацией на патернализм, социальную поддержку (Зубаревич, 2016). Камбарка, по образу жизни, ближе к «третьей сельской России».

В соответствии с административно-территориальным устройством на территории Удмуртской Республики образованы 5 городских округов (ГО): Ижевск, Глазов, Воткинск, Сарапул, Можга. Последние четыре, хотя и являются центрами окружающих их муниципальных районов, не входят в их состав. Их органы власти обладают полной административно-политической автономией на территории города. Город Камбарка имеет статус городского поселения (ГП) и входит в состав Камбарского района, что отличает его от других городов.

Таблица 1

Динамика численности городского населения Удмуртской республики (чел.)

Города УР	2017 ¹	2019 ²
Ижевск	646277	648944
Воткинск	98063	97345
Сарапул	97910	96361
Глазов	93628	92381
Можга	49617	49093
Камбарка	10477	10236

В социально-экономическом аспекте г. Сарапул, Воткинск и Глазов относятся в категории моногородов, что указывает на их тесную связь с градообразующими предприятиями (ГОП). Статус моногорода предоставляет этим городам возможность участвовать в различных федеральных программах поддержки, чего лишены Можга и Камбарка. В целом, ситуация в моногородах республики оценивается как стабильная³, чего нельзя сказать о Камбарке.

На сегодня, пожалуй, только Камбарку можно отнести к депрессивным территориям УР, где даже исчез общественный транспорт. Перспективы развития Глазова, Воткинска, Сарапула связываются: с одной стороны, с восстановлением производств на оборонных градообразующих предприятиях, которые, в основном, стали структурными единицами крупных государственных холдингов и вошли в их инвестиционные и социальные программы; а с другой, с диверсификацией городской эко-

¹ Федеральная служба государственной статистики. Численность населения Российской Федерации по муниципальным образованиям на 1 января 2017 г. URL: http://www.gks.ru/free_doc/doc_2017/bul_dr/mun_obr2017.rar (дата обращения: 24.10.2019).

² Федеральная служба государственной статистики. Численность населения Российской Федерации по муниципальному образованию на 1 января 2019 г. URL: http://www.gks.ru/free_doc/doc_2019/bul_dr/mun_obr2019.rar (дата обращения: 24.10.2019).

³ Согласно оценкам Росстата на начало 2019 г. они отнесены к категории моногородов со стабильной социально-экономической ситуацией. Федеральная служба государственной статистики. Численность населения Российской Федерации по муниципальному образованию на 1 января 2019 г. URL: http://www.gks.ru/free_doc/doc_2019/bul_dr/mun_obr2019.rar (дата обращения: 24.10.2019).

номики за счет развития новых производств и притока инвестиций в рамках правительственных программ создания территорий опережающего развития (ТОР) и опережающего социально-экономического развития (ТОСЭР).

Глазов отнесен к категории моногородов как территория присутствия госкорпорации «Росатом». Его ГОП - это «Чепецкий механический завод» (ЧМЗ)¹. На сегодня город уже обладает многоотраслевой экономикой с предприятиями машиностроения, лесной, лёгкой, пищевой, ликёроводочной и другой промышленностью.

В Сарапуле к ГОП относятся предприятия связанные с ВПК: электрогенераторный завод (СЭГЗ²), радиозавод, завод «Электонд». Город имеет многоотраслевую промышленность, в которой работает 60 % всего экономически активного населения.

В Воткинске ГОП является «Воткинский завод»³, входящий в структуру «Роскосмоса», на котором работает 27% экономически активного населения города⁴. Развиваются и другие отрасли экономики.

В моногородах Удмуртии – Глазов, Сарапул, Воткинск – активно идут процессы диверсификации городской экономики. Доля ГОП в насыщении бюджета городов, в численности трудоспособного населения, неуклонно снижается. В том числе, в связи с сокращением работников ГОП будет снижаться и их влияние на электоральные процессы в городах. Такого мнения придерживаются в своих интервью многие опрошенные респонденты. Между тем риторически и символически⁵ власти городов продолжают транслировать неразрывную связь города и ГОП.

В г. Можге промышленное производство изначально отличалось своей многоотраслевой структурой. ГОП как таковой отсутствует. Промышленность составляет лишь 53% в валовом продукте города. Лидером экономики города является ОАО «Свет», производящее стеклянную и пластиковую тару⁶.

В наиболее сложном социально-экономическом положении находится г. Камбарка. Ранее город развивался как центр военно-химической промышленности. Большинство предприятий находится на грани закрытия. В городе нет общественного транспорта, закрыты многие социальные учреждения. Ситуация усугубляется транспортной отдаленностью от республики и экологическими проблемами, связанными с планами по строительству завода по переработке особо опасных отходов.

Таким образом, экономическая ситуация в малых городах республики отличается друг от друга. Устойчивое промышленное развитие демонстрируют моногорода, связанные с крупными оборонными предприятиями и программами их поддержки: Глазов, Воткинск, Сарапул. Здесь взят курс на диверсификацию экономики, на снижение зависимости города от ГОП. Можге и Камбарке приходится опираться на собственные ограниченные ресурсы.

Еще один экономический фактор, который стал все больше оказывать влияние на местную политику – это местный, малый и средний бизнес (МСП). В целом доля населения, занятого в МСП, варьируется от 22,18% (Можга) до 32,57% (Сарапул)⁷. Отсюда, можно предположить, что в Сарапуле, где треть населения занята в МСП, и в Можге, где в принципе отсутствуют ГОП, мелкие и средние предприниматели должны играть более активную роль в местной политике. Что нашло свое подтверждение и в ходе интервью.

¹ Сейчас (на 01.01.2017) число работников ЧМЗ по одним данным составляет около 3200, по данным «Фонда развития моногородов» - ок. 5300. Глазов. URL: <http://xn--80afd4affbbat.xn--p1ai/monotown/glazov/> (дата обращения: 24.10.2019).

² Согласно данным «Фонда развития моногородов» - 7627 чел. Сарапул. URL: <http://xn--80afd4affbbat.xn--p1ai/monotown/sarapul/> (дата обращения: 24.10.2019).

³ По данным «Фонда развития моногородов» -11676 чел. Воткинск. URL: <http://xn--80afd4affbbat.xn--p1ai/monotown/votkinsk/> (дата обращения: 24.10.2019).

⁴ Воткинск. Официальный сайт. Экономика. URL: <http://www.votkinsk.ru/city/economica/index.php>. (дата обращения: 24.10.2019).

⁵ См, например, соответствующие разделы официальных сайтов городов

⁶ Можга. Официальный сайт. Экономика. URL: <http://www.mozhga-gov.ru/city/ekonomika/> (дата обращения: 24.10.2019).

⁷ Сводный доклад о результатах мониторинга эффективности деятельности органов местного самоуправления городских округов и муниципальных районов Удмуртской Республики по итогам 2017 г. (2017). URL: http://www.udmurt.ru/region/district/sveden/svodUR-2017_Ukaz607.pdf (дата обращения: 25.09.2019).

**Состав депутатского корпуса глазами депутатов:
«заводские» vs «бюджетники» vs «бизнесмены»**

В настоящее время в ГО Удмуртии депутаты избираются по смешанной системе: Глазов – 26 депутатов (13 избираются по одномандатным мажоритарным округам и 13 – по пропорциональной части на основе партийных списков), Воткинск – 25 депутатов (12 и 13 соответственно), Сарапул - 28 (14 и 14), Можга – 26 (13 и 13). В Камбарке всего 15 депутатов, избираемых по 6 многомандатным округам.

Для анализа были взяты действующие, шестые, созывы городских собраний, которые были избраны в 2015 г. и отработали уже четыре года, что позволяет и самим депутатам, и исследователям сделать определенные выводы об особенностях их состава и текущей депутатской деятельности. Особенная ситуация сложилась в Камбарке, где избранный в 2015 г. состав городского совета, в 2018 г. был распущен главой республики А. Бречаловым в результате острого политического кризиса, возникшего в поселении, когда из-за конфликта с главой города в течение нескольких месяцев не собирались пленарные заседания совета депутатов. После чего были проведены досрочные выборы.

В интервью депутаты и эксперты, отвечая на вопросы о том, из каких депутатов и групп, по их мнению, состоят составы собраний, выделили несколько линий, по которым проходит фрагментация депутатского корпуса. Среди них они, естественно, отметили фракционное деление легислатур, а также разделение депутатов на «старожилы» и «новичков», на чем мы остановимся в следующих статьях. Больше внимание респонденты уделили социальному делению депутатов в зависимости от места их работы и рода занятий.

Исследователей традиционно интересует вопрос о том, какие социальные группы из городского сообщества и почему представлены в собраниях.

Анализируя составы городских собраний Свердловской и Пермской областей, республики Башкирии пермские исследователи предложили близкие классификации категорий депутатов местных легислатур. Петр Панов, рассматривая состав депутатов Свердловской области и основываясь на официальных данных ЦИК РФ, разделил депутатов на 3 категории: «бизнес» (работники частных предприятий), «бюджетники» (работники государственных и муниципальных учреждений и предприятий, а также государственные и муниципальные служащие) и «другие» (пенсионеры, депутаты, работающие на постоянной основе, представители общественных организаций, временно неработающие) (Панов, 2019). Аналогичного подхода придерживается и Татьяна Витковская (Витковская, 2017). Станислав Шкель выделил среди городских депутатов Республики Башкирия четыре группы: бюджетники, малый и средний бизнес, крупный бизнес (директорат градообразующих предприятий) и представители общественных групп (Шкель, 2018: 675).

На наш взгляд, данная классификация может быть вполне рабочим инструментом, но требует некоторого уточнения. На основе проведенного в Удмуртии полевого исследования, а также статистических и биографических данных, представляется, что можно выделить пять основных категорий депутатов малых городов: «бюджетники» (среди них можно выделить три подгруппы: наемные работники государственных и муниципальных учреждений и предприятий – преимущественно врачи и учителя, «административные депутаты» - председатели собраний на постоянной основе, выходцы из городской администрации, экс-главы городов, «муниципальный бизнес» - руководители и сотрудники МУПов, как правило, относящихся к городской инфраструктуре); «малый и средний бизнес» (собственники и сотрудники частных фирм, не относящиеся к ГОП); «крупный бизнес» (директорат, менеджеры и другие работники ГОП и их дочерних компаний или т.н. «заводские»); «общественники» (местные активисты, представители инициативных групп, отстаивающие чьи-либо коллективные или групповые интересы); «другие» (депутаты, не относящиеся к вышеуказанным категориям - пенсионеры, временно неработающие и пр.). В результате мы получаем более сложную картину социального состава легислатур малых городов Удмуртии.

Социальный состав городских legislatures малых городов Удмуртии

Город	Крупный бизнес (ГОП-1) ¹	Малый и средний частный бизнес	«Бюджетники»			Общественники	Другие
			муниципальный бизнес	административные депутаты	бюджетные работники		
Воткинск	6 (6)	11	2	1	4	0	1
Глазов	5 (4)	8	0	1	9	2	1
Сарапул	11 (7)	11	2	1	2	0	1
Можга	3	13	3	1	6	0	0
Камбарка	0	7	0	1	5	1	1

Среди указанных групп депутатов, на сегодняшний день, в составе городских legislatures можно выделить три базовые: «заводские» – представители крупного бизнеса, прежде всего, градообразующих предприятий; городская администрация и связанные с ней депутаты-«бюджетники»; «бизнесмены/предприниматели» – представители малого и среднего бизнеса, которые, правда, в отличие от двух других групп, не представляют из себя нечто единое целое. Как видно из таблицы соотношение категорий депутатов отличается от города к городу (выделены ведущие группы) и имеет свои социально-экономические и локально-политические обоснования. Представляется, что именно через влияние на ведущие группы и осуществляется контроль над городскими legislatures.

«Бюджетники» – это депутаты, так или иначе связанные с местной администрацией, либо непосредственные ее представители. Как правило, ее основу составляют руководители или работники местных учреждений образования, здравоохранения и культуры (директора школ, заведующие детскими садами, главврачи, учителя, воспитатели, врачи и т.п.). Большинство из них административно и экономически зависимы от городской администрации и, как правило, играют ведущую роль в думе. Ведущие позиции среди «бюджетников» занимают «административные депутаты» – председатели городских дум и их заместители (если такие имеются), действующие на освобожденной основе, а также депутаты, избравшиеся в статусе действующих глав администрации и их заместителей. Они формально или неформально определяют работу городского собрания, характер принимаемых решений. Несколько особую, промежуточную, позицию занимают руководители коммунальных МУПов – с одной стороны, они административно зависимы от администрации, поскольку назначаются ими, с другой – возглавляемые ими предприятия ведут самостоятельную хозяйственную и предпринимательскую деятельность, что их роднит с представителями бизнеса. «Бюджетники», как правило, являются выдвиженцами «Единой России»

На наш взгляд, лишь в Глазове «бюджетники» составляют заметную часть состава думы и, в значительной мере, обеспечивают принятие необходимых администрации решений. В нынешнем составе городской думы г. Глазова заседает шесть действующих директоров школ и колледжей, один бывший директор (действующий председатель думы), один заместитель директора школы, а также ректор глазовского педагогического института (ГГПИ) и заместитель главного врача городской больницы. Причем шесть руководителей получили свои должности уже, будучи избранными депутатами. Один депутат перешла из категории «бюджетников» (бывший руководитель городского дома культуры) в категорию «предпринимателей», а бывший глава города (2010–2015 гг.) после избрания депутатом вернулся на ГОП. При этом стоит отметить, что директор одной из школ, является лидером фракции КПРФ.

Один из глазовских респондентов так структурировал состав думы: «Больше бюджетников, причем образовательная структура. Учителям легко проходить, потому что известны – раз, большая прослойка населения, которые под ним. Представляет, целый микрорайон под директором школы. Есть площадка, на которой можно проводить любые агитационные работы, не вкладывая больших денег...». Другие респонденты также отмечали, что бюджетный директорат является основной опорой для принятия решений, особенно после того, как они получили свои должности.

¹ Представительство наиболее крупного градообразующего предприятия

Как отмечалось выше, исторически в Глазове большую роль играло ГОП – Чепецкий машиностроительный завод (ЧМЗ). До последнего времени главы города были выходцами из предприятия. Завод делегировал в думу достаточное число депутатов, чтобы оказывать влияние на принятие решений. Но ситуация стала меняться еще в предыдущем созыве. Связывают это с политикой прежнего руководства завода: *«Раньше процент представителей завода был больше... Потом наступил такой момент, когда заводу было абсолютно все равно, что происходит в городе. Они вот так оторвались, это было государство в государстве»*. В предыдущем составе думы депутаты-«старожилы», несогласные с таким отношением, даже создали депутатскую группу «заводчане», которая должна была объединить депутатов ЧМЗ, прошедших в ее состав по разным спискам. Наряду с ней в думе возникла группа «горожане», где ведущую роль играли депутаты, не связанные с заводом. В действующем созыве такие депутатские группы уже отсутствуют.

Респонденты отмечают, что представители ЧМЗ, хотя и имеют некоторое представительство в думе, но фактически не влияют на принятие ею решений. ЧМЗ стал частью структуры «Росатома» и руководство холдинга предпочитает напрямую решать вопросы с администрацией города: *«Администрацию контролирует напрямую «Росатом». Товарищи приезжают прямо из Москвы и, минуя всякие ЧМЗ, прямо туда заходят в кабинет и там договариваются... Если раньше действительно через ЧМЗ все шло, то сейчас ЧМЗ не слышно и не видно нигде в думе...»*.

Респонденты отмечают, что роль других предприятий города незначительна: *«У нас как-то особо малый бизнес и не идет, а большой бизнес сюда и не пойдет.... (они есть) только для того, чтобы быть в курсе событий, в случае возникающих вопросов с недвижимостью, налогами, чтобы был свой человек, который будет правильно влиять и так далее»*.

При этом некоторые респонденты отмечали, что излишнее тесная связь предыдущих глав города с ГОП, выходцами из которого они были, приводила к тому, что другие относительно крупные предприятия предпочитали не вмешиваться в городскую политику: *«Наш предыдущий глава, поскольку он заводской, он только с заводом, всех остальных просто игнорировал. Я думаю, это было большой ошибкой. Когда они (руководители других заводов) видели, что никому не нужны, тоже ушли в сторону»*.

Однако ситуация стала меняться. После ухода предыдущего главы г. Глазова Олег Бекметьев мэр в Ижевск, ЧМЗ даже не стал предлагать свою кандидатуру на освободившийся пост. Главой города был избран Сергей Коновалов, выходец из агрохолдинга «КОМОС ГРУПП», менеджер хладокомбината «Созвездие» ООО «МИЛКОМ». Считается, что его выдвижению в немалой степени содействовали крупные бизнесмены г. Глазова, связанные с другими значимыми предприятиями города. Таким образом, в сложившейся к 2015 г. ситуации предыдущей городской администрации пришлось сделать ставку на депутатов-«бюджетников». Учитывая, что новый глава не имеет собственной команды, данная модель управления думой может сохраниться и после выборов 2020 г., если не произойдет изменений в отношении городской политики у ГОП и корпорации «Росатом».

В г. Сарапуле отмечено наиболее заметное влияние градообразующих предприятий на городское собрание. С ними связаны 11 депутатов. Семь из них имеют отношение к заводу СЭГЗ, а три – к предприятию «Электонд». Все «заводские» депутаты выдвинуты от «Единой России». Помимо них в думу выбрано достаточное число директоров и менеджеров местных средних предприятий (птицефабрика, ЛВЗ, пивзавод, центральный рынок, водоканал и др.), также членов фракции ЕР, которые в коалиции с «заводскими» и обеспечивают принятие решений. Заметная роль ГОПов увязывается со структурой самого города, жилые районы, которого, а значит и избирательные округа, привязаны к месторасположению этих предприятий. Отсюда нет необходимости вводить в думу большое число бюджетников: *«У нас городских представителей практически нет»*. Считается, что преимущество сарапульской думы в том, что есть разнообразие и нет доминирования какой-то одной структуры: *«В городе Сарапуле это не случайно, во-первых, разнообразие, во-вторых, у нас, я бы это назвал, «прагматики». У нас любят депутатов, у которых есть вес, экономическая возможность и сила, которые могут управлять», «что директор школы со своей зарплатой может дать округу реально? А люди хотят, в том числе... помощи», «...и нет у нас ни одной комиссии, в которой было бы большинство заводчан.. считаем, что в городе абсолютный паритет, то есть, у нас нет засилья (какого-то одного предприятия)»*.

Респонденты отмечают, что в середине 2000-х гг. был период, когда было много бюджетников: *«У нас было время, когда директора школ были депутатами... Городу (администрации) было бы, наверное, лучше, если бы бюджетники были депутатами, и что он (глава) сказал, так и проголосовали. С нами же (предпринимателями) проблемы намного сложнее»*.

Респонденты считают, что для заводов иметь своих представителей в думе – это, прежде всего, имидж предприятия. Их собственники и топ-руководители больше заинтересованы в республиканской политике, а в материальном плане, скорее они помогают городу, чем город им. Но важно то, что от «заводских» зависит принятие кадровых решений: *«Это имеет место быть, потому что у завода столько своих представителей в городской думе, что они могут голосовать за главу города... повлиять на выборы председателя думы, то есть высших должностей г. Сарapul»*.

Таким образом, в г. Сарapul сложилась коалиционная «бизнес модель» управления городским собранием с опорой на градообразующие предприятия при цементирующей роли фракции «Единой России».

В г. Воткинск состав депутатов и политическая ситуация представляются более сложными. Пять-шесть депутатов связаны с ГОП, «Воткинским заводом», но их трудно отнести к значимым на заводе фигурам. По мнению респондентов, в предыдущем 5-м созыве *«группировка заводских была сильная, как завод скажет, так и будет»*, заводские депутаты работали консолидированно, прежде всего, по кадровым вопросам: *«В 6-м созыве уже такой заводской команды нет. Здесь очень важно, как руководство города выстраивает диалог с главами завода. Сказать, что оно плохо выстроено – я не скажу. Завод очень часто помогает городу, идет навстречу, но стратегических взаимоотношений нет, соответственно, раз нет понимания общего будущего, то и работы совместной нет»*. Предыдущий мэр города, Владимир Перевозчиков, в январе 2018 г. был отправлен в отставку главой республики в связи с утратой доверия. Истинной причиной отставки респонденты считают его несогласие на приватизацию горэлектросетей – единственного муниципального предприятия, приносящего прибыль. Нынешний глава города, Алексей Заметаев, выходец из силовых структур. Среди 7 «бюджетников» в думу были избраны главврач городской больницы, директор дворца культуры, директор кадетского корпуса, а также два директора коммунальных МУП. Так же, формально, к «бюджетникам» можно отнести сотрудника воткинского филиала удмуртского госуниверситета, однако, он является лидером фракции КПРФ, административно не подчинен местной администрации, что позволяет ему занимать самостоятельную позицию в думе. Респонденты отмечают, что в городе нет какой-то одной ведущей силы, при этом заметно теневое влияние нескольких крупных бизнесменов, с которыми связывают ряд избранных депутатов, в том числе и председателя думы: *«Каждый клан, так назовем, преследует свои интересы»*. Причем, спикер был избран на свою должность не с первого раза, сначала депутаты поддержали другого своего коллегу, который, однако, вскоре после избрания без объяснения причин сложил полномочия председателя думы.

А.Семенов и И.Швецова в своем сравнительном исследовании глав МСУ отметили, что для рекрутирования локальных элит в Удмуртии, в отличие от Пермского края, характерен частый переход глав администрации на посты глав муниципалитетов или глав представительных органов (Семенов, 2017: 268), можно добавить, и обратно. Воткинск - пример такой «рокировки».

Таким образом, в Воткинске установилась «равновесная модель», где можно выделить три относительно равные группировки: депутаты, лоббирующие интересы администрации, депутаты, лоббирующие интересы завода и депутаты, лоббирующие интересы местных влиятельных бизнесменов. Респонденты считают, что городская администрация в думе опирается на «бюджетников» и бизнесменов, которые зависят от бюджета.

В г. Можга нет ГОП, нет явного социально-экономически доминирующего актора. Респонденты отмечают, что наиболее крупное предприятие города, стеклозавод «Свет», занимает несколько отстраненную от городской жизни позицию. Хотя его руководство и представлено в думе, но держит себя обособленно: *«У нас есть четвертая группа депутатская - это завод «Свет» и к ним прикнущие..., ничего не имею против, нормальные мужики, но у них такое, неправильное, понятие, что не завод городу обязан, а город – заводу»*. Показателен, по мнению респондентов, пример, когда завод организовал «День рождения» своего заводского микрорайона, на фоне общегородского празднования «Дня города». Респонденты также вспоминают, как «Свет» лоббировал, через республиканское руководство, своего представителя на должность главы города, депутата Госсовета от партии КПРФ, что вызвало раскол среди можгинских депутатов. В целом, депутатами гордумы роль крупнейшего предприятия города оценивается как неконструктивная. В этой ситуации новый глава города, выходец из военной среды, опирается в думе на группу «молодых депутатов», преимущественно состоящую из местных предпринимателей и, частично, из бюджетников. Среди них заметную роль играют представители «муниципального бизнеса». В 2018 г. эта группа поддержала другого претендента на пост главы города, своего коллегу, депутата от партии «Родина», который позже стал заместителем нового мэра. Летом 2019 г. эта группа депутатов инициировала смещение прежнего предсе-

дателя думы. Вместо него спикером, но уже на неосвобожденной основе, была избрана главврач районной больницы. Респонденты отмечают, что, в настоящее время думой, в том числе и фракцией ЕР, фактически в командно-административном стиле руководит новый глава города и его администрация. Данная ситуация не устраивает часть местных предпринимателей, которые не приемлют такой стиль управления: *«Ранее была нормальная деятельность партии «Единая Россия» в Можге... какие-то инициативы были, собрания, было интересно. Вроде такой кружок ... При нынешнем мэре, который, разумеется, стал председателем «Единой России», заседание политсовета проходит... за 5 мин. – не рассказать, что будет, не предложить какие-то инициативы»*. Также респонденты отмечают недостаток представительства в думе других крупных промышленных предприятий Можги и низко оценивают ведомую роль «бюджетников», которые, не располагая серьезными ресурсами, идут в думу *«ради статуса»* и используются администрацией, чтобы *«закрыть округа»* и *«молча»* поддерживать ее предложения. Однако такая ситуация рассматривается как временная, поскольку через год предстоит объединение Можги и Можгинского района в единый городской округ. Отношения между городской и районными элитами весьма напряженные, предстоит острая борьба. Кроме того, местные уверены, что *«военный и неместный»* глава Можги не задержится здесь надолго.

Схожесть ситуации в Глазове и в Можге в том, что к руководству городом пришли новый лица – без своей команды, без опыта политико-управленческой деятельности, что также характерно для Удмуртии и что, предположительно, делает депутатов более влиятельными (Семенов, 2017: 269).

Как уже отмечалось, в г. Камбарка сложилась особая ситуация. После досрочного переизбрания городского совета, его состав радикально обновился. Из числа депутатов из трех претендентов был избран новый глава города. Произошло фактически обнуление политической ситуации. Группировки, которые ранее конфликтовали в городе, потеряли свое влияние. Оставшиеся в городе предприятия имеют представителей только в районном совете. Партийная и социальная фрагментация в горсовете фактически отсутствуют. Избранным депутатам приходится совместно выработать новые правила сотрудничества: *«такого деления (на «старожилы» и «новичков») у нас полностью нет, сидим и обсуждаем, где-то ругаемся, приходим к одному мнению, все работают»*. По мнению респондентов, депутаты представляют исключительно самих себя и не связаны какими-то групповыми интересами: *«Кризис в городе преодолён, люди новые пришли, все начинают разбираться, работать на благо города, каждый свою позицию начинает отстаивать»*. Их социальная принадлежность («бюджетники», «предприниматели» и пр.) не имеет большого значения. Значение имеют профессиональные знания, в соответствии с которыми депутаты курируют ту или иную сферу городского управления: *«У нас разнонаправленность, и каждый отвечает за свое направление», «я на закупках, смотрю, как закупки проводятся ... (другие – за ЖКХ, бюджет, за экологию)»*.

Однако не стоит упускать из виду тот факт, что г. Камбарка и Камбарский район тесно связаны между собой, и основные групповые интересы представлены на уровне района, где сохраняется острое противостояние. Причем, эти групповые интересы в таком малом городе, где закрываются предприятия, сворачиваются бизнес и социальные услуги, сосредоточиваются вокруг установления личного контроля над распределением муниципальных бюджетов и ресурсов, чтобы *«получить личную выгоду – либо материально, либо финансово»*. В результате возникает некий неформальный *«клуб по интересам, один общий круг, два главы и чиновники, некоторые депутаты»*, который контролирует освоение бюджетных средств и чья деятельность вызывает резкое неприятие и критику со стороны лиц, в том числе и депутатов, не включенных в него.

Таким образом, можно выделить четыре модели управления городскими legislатурами, которые реализуются в малых городах Удмуртии. Модели задаются конфигурацией трех основных групп депутатов («заводских», «бюджетников», «бизнесменов»), которые выделяются своей численностью и политико-управленческой значимостью: «бюджетная модель» (Глазов), «бизнес-заводская модель» (Сарапул), «равновесная модель» (Воткинск), «бизнес-административная модель» (Можга). Речь идет о том, на депутатов из каких социальных групп в большей степени опирается местная и республиканская администрация с целью принятия необходимых решений, что нашло свое подтверждение в интервью. Депутаты из других групп вынуждены консолидироваться с большинством, либо выполнять роль статистов. В силу особых обстоятельств, о какой-то устойчивой модели управления небольшим по численности (15 чел.) городским советом г. Камбарка, с опорой на определенную социальную группу депутатов, говорить сложно. Здесь большую роль играют личные качества и персональная заинтересованность депутата. Теоретически могут существовать и другие модели управления legislатурами (например, включающие «общественников»), некоторые из них ранее уже существо-

вали (например, чисто «заводская», или «бюджетно-заводская»). Их практическая реализация зависит от конфигураций депутатских групп, возникающих по итогам местных выборов.

Такие факторы, как структура городской экономики, состояние ведущих промышленных предприятий, влияние на выборы городских администраций и их глав, рост протестных настроений оказывают существенное влияние на состав депутатского корпуса. Сочетание этих факторов подвержено заметной динамике и отличается от муниципалитета к муниципалитету. На уровне малых городов изменчивость констелляций этих факторов становится особо заметной – в четырех из пяти малых городов Удмуртии (Глазове, Воткинске, Можге, Камбарке) при действующих составах депутатов сменились главы МО. Наблюдается общий тренд на снижение политической активности ГОП. Диверсификация городской экономики в рамках созданных ТОР и ТОСЭР в моногородах республики должна ослабить не только финансовую, но политико-административную зависимость городов от одного, двух предприятий. В результате на авансцену выходят новые акторы, прежде всего, из среды среднего и малого городского бизнеса, которые ранее держались в тени. В этом смысле, легислатуры рассматриваются потенциальными акторами как, своего рода, «точки входа» в городскую политику или «место обозначения своего присутствия» в ней. Многие респонденты отметили, что они хотели разобраться «как там (во власти) все устроено». При этом, практически все респонденты, особенно предприниматели, отмечают предположение, что при помощи депутатского статуса возможно защитить какие-то свои экономические интересы. Депутатский статус уже не гарантирует безопасности бизнесу. Однако он по-прежнему дает доступ к информации, которую можно использовать, в том числе, и с личной выгодой. Главное, что он дает официальную возможность выстраивать отношения с администрацией, ее главой и другими более значимыми, чем депутаты, властными акторами. Результативность этих коммуникаций является различной, зачастую зависит от степени лояльности к власти самого депутата, но она, в любом случае, ниже, чем прямые неформальные контакты с администрацией. Возможно, поэтому примерно половина из опрошенных респондентов не намерена в дальнейшем продолжать депутатство, поскольку весьма низко оценивают потенциал влияния депутатов («ни на что не влияют», «80% решений – это приведение в соответствие или исполнение требований вышестоящих властей») и рассматривают его как пустую трату времени и дополнительные издержки.

Финансовая поддержка

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект «Представительный орган местного самоуправления в малом российском городе: пространство влияния и политический потенциал» № 18-011-00624А.

Библиографический список

- Бехтерева, Л. Н. (2012) 'Политическое устройство и административное деление Удмуртии в XX веке' в: *Удмуртская республика: историко-этнографические очерки / УИИЯЛ УрО РАН; науч.ред. А. Е. Загребин. Ижевск, 288 с. [Behтерева, L. N., (2012) 'Political structures and administrative divisions in Udmurtia in 20th century' [Politicheskoe ustroistvo i administrativnoe delenie Udmurtii v XX veke] in: *Udmurt Republic: history-ethnography essays [Udmurtskaya respublika: istoriko-etnograficheskie ocherki], UIIYaL UrO RAN; nauch.red. A.E.Zagrebin. Izhevsk, 288 p. (In Russ.)].**
- Витковская, Т. Б. (2015) 'Легислатуры в малых городах Пермского края: состав и уровень компетенций', *Вестник Пермского университета. Серия: Политология*, 3, сс. 116–126. [Vitkovskaya, T. B. (2015) 'Legislatures in small towns of the perm region: Sverdlovskaya oblast: potential of autonomy in relations with the city head' [Gorodskie dumy malykh i srednikh gorodov Sverdlovskoi oblasti: potentsial avtonomii v otnosheniyakh s glavoi goroda], *Vestnik Permskogo federal'nogo issledovatel'skogo tsentra*, 3, pp. 95–107. (In Russ.)]. DOI: 10.7242/2658-705X/2019.3.10.
- Подвинцев, О. Б., Рябова, О. А. (2018) 'Тенденции трансформации лоббистских структур в органах местного самоуправления малых российских городов (на примере Пермского края)', *Вестник Пермского университета. Сер.: Политология*, 3, сс. 138–147. [Podvintsev, O. B., Ryabova, O. A. (2018) 'The trends of lobbyist structures transformation in the local self-government of small Russian cities (a case study of Perm kraj)' [Tendentsii transformatsii lobbistskikh struktur v organakh mestnogo samouprav-

- composition and competence level' [Legislature v malykh gorodakh Permskogo kraya: sostav i uroven' kompetentsii], *Bulletin of Perm University. Political science*, 3, pp. 116–126. (In Russ.). DOI: 10.17072/2218-1067-2015-3-115-125.
- Витковская, Т. Б. (2017) 'Внутренняя структура локальных легислатур: типы депутатских групп (на примере Пермского края)', *Вестник Пермского университета. Серия: Политология*, 4, сс. 80–94. [Vitkovskaya, T. B. (2017) 'Internal structure of local legislatures: types of deputy groups (a case study of the Perm region)' [Vnutrennyaya struktura lokal'nykh legislatur: tipy deputatskikh grupp (na primere Permskogo kraya)], *Bulletin of Perm University. Political science*, 4, pp. 80–94. (In Russ.)].
- Войтович, В. Ю., Мухина, И. А. (2016) 'Местное самоуправление: сущность и значение', *Вестник Удмуртского университета. Серия Экономика и право*, т. 26 (6), сс. 124–128. [Vojtovich, V. Ju., Muhina, I. A. (2016) 'Local Government: Nature and Significance' [Mestnoe samoupravlenie: sushhnost' i znachenie], *Bulletin of Udmurt University. Series Economics and Law*, vol. 26, 6, pp. 124–128. (In Russ.)].
- Гельман, В., Рыженков, С. (2010) 'Локальные режимы, городское управление и "вертикаль власти" в современной России', *Политическая экспертиза: Политэкс*, 4, сс. 130–151. [Gel'man, V., Ryzhenkov, S. (2010) 'Local Regimes, Urban Governance, and the "Power Vertical" in Contemporary Russia' [Lokal'nye rezhimy, gorodskoe upravlenie i "vertikal' vlasti" v sovremennoi Rossii], *Politicheskaya ekspertiza: Politeks*, 4, pp. 130–151. (In Russ.)].
- Гельман, В., Рыженков, С., Белокурова, Е., Борисова, Н. (2008) *Реформа местной власти в городах России, 1991–2006*. Санкт-Петербург: Норма. 368 с. [Gel'man, V., Ryzhenkov, S., Belokurova, E., Borisova, N. (2008) *Local government reform in Russian cities, 1991–2006* [Reforma mestnoi vlasti v gorodakh Rossii, 1991–2006]. SPb.: Norma. 368 p. (In Russ.)].
- Гилев, А. В., Семенов, А. В., Шевцова, И. К. (2017) '«Политические машины» и их «водители»: электоральное администрирование на местном уровне', *Полития*, 3, сс. 62–80. [Gilev, A. V., Semenov, A. V., Shevtsova, I. K. (2017) '«Political machines» and their «drivers»: electoral admin-
leniya malykh rossiiskikh gorodov (na primere Permskogo kraya)], *Bulletin of Perm University. Political science*, 3, pp. 138–147. (In Russ.). DOI: <http://dx.doi.org/10.17072/2218-1067-2018-3-138-147>.
- Росс, К. (2008) 'Муниципальные выборы и электоральный авторитаризм в России', *Политическая наука*, 3, сс. 111–125. [Ross, K. (2008) 'Municipal elections and electoral authoritarianism in Russia' [Munitsipal'nye vybory i elektoral'nyi avtoritarizm v Rossii], *Political Science*, 3, pp. 111–125. (In Russ.)].
- Семенов, А. Шевцова, И. (2017) 'Кто правит на местном уровне: сравнительный анализ корпуса глав муниципалитетов Пермского края и Республики Удмуртия', *Региональная политика – 2016: сб. статей и аналитических докладов / под ред. Д.А.Орлова; Агентство политических и экономических коммуникаций*. Москва: Грифон, сс. 259–271. [Semenov, A. Shevtsova, I. (2017) 'Who rules on the local level: the comparative analysis of the governing body of the municipalities in Perm Krai and Udmurt Republic' [Kto pravit na mestnom urovne: sravnitel'nyi analiz korpusa glav munitsipalitetov Permskogo kraja i Respubliki Udmurtiya], *Regional'naya politika – 2016: Sbornik statei i analiticheskikh dokladov / Pod red. D.A.Orlova; Agentstvo politicheskikh i ekonomicheskikh kommunikatsii*. Moscow: Grifon, pp. 259–271. (In Russ.)].
- Чирикова, А. Е., Ледяев, В. Г. (2017) *Власть в малом российском городе*. Москва: Нац. исслед. ун-т. «Высшая школа экономики», 414 с. [Chirikova, A. E., Ledyayev, V. G. (2017) *Governance in Russian Town* [Vlast' v malom rossiiskom gorode]. Moscow: National Research University Higher School of Economics, 414 pp. (In Russ.)].
- Чирикова, А. Е., Ледяев, В. Г. (2015) 'Власть в малых российских городах: модели взаимодействия исполнительной и представительной власти', *Мир России*, т. 24, 3, сс. 6–32. [Chirikova, A. E., Ledyayev, V. G. (2015) 'Power in Small Russian Towns: Models of Interactions Between the Legislative and Executive Branches of Local Government' [Vlast' v malykh rossiiskikh gorodakh: modeli vzaimodeistviya ispolnitel'noi i predstavitel'noi vlasti], *Universe of Russia*, Vol. 24, 3, pp. 6–32. (In Russ.)].

- istration on local levels' [«Politicheskie mashiny» i ikh «voditeli»: elektoral'noe administrirovanie na mestnom urovne], *Politeia*, 3, pp. 62–80. (In Russ.).
- Захаров, А. А. (2012) «Спящий институт»: Федерализм в современной России и в мире. Москва: Новое литературное обозрение. [Zakharov, A. A. (2012) «Dormant institute»: *Federalism in modern Russia and the rest of the world* [«Spyashchii institut»: Federalizm v sovremennoi Rossii i v mire]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie (In Russ.).]
- Зубаревич, Н. В. (2016) *Четыре России и новая политическая реальность*. Полит.ру. Москва. [Zubarevich, N. V. (2016) *Four types of Russia and new political reality* [Chetyre Rossii i novaya politicheskaya real'nost']. Polit.ru. Moscow. (In Russ.).]
- Зубкова, О. Г. (2010) *История становления и развития местного самоуправления в городах Удмуртской Республики в период 1994–2003 гг.* Ижевск: Изд-во ИжГТУ. [Zubkova, O. G. (2010) *The history of foundations and development of local governments in Udmurt Republic cities during 1994-2003* [Istoriya stanovleniya i razvitiya mestnogo samoupravleniya v gorodakh Udmurtskoi Respubliki v period 1994–2003 gg.]. Izhevsk: Izd-vo IzhGTU. (In Russ.).] URL: <http://elibrary.unatlib.ru/dspace/dsview.html> (дата обращения: 25.09.2019) (Accessed: 25 September 2019).
- Киселев, К. В. (2007) *Актеры и тренды региональной политики*. Екатеринбург: Ин-т философии и права УрО РАН, 376 с. [Kiselev, K. V. (2007) *Players and trends in regional politics* [Aktory i trendy regional'noi politiki]. Ekaterinburg: In-t filosofii i prava UrO RAN, 376 p. (In Russ.).]
- Ледяев, В. Г. (2008) 'Городские политические режимы: теория и опыт эмпирического исследования', *Политическая наука*, 3, сс. 32–60. [Ledyayev, V. G. (2008) 'City political regimes: theory and practice of empirical study' [Gorodskie politicheskie rezhimy: teoriya i opyt empiricheskogo issledovaniya], *Political Science*, 3, pp. 32–60. (In Russ.).]
- Панов, П. В. (2019) 'Городские думы малых и средних городов Свердловской области: потенциал автономии в отношениях с главой города', *Вестник Пермского федерального исследовательского центра*, 3, сс. 95–107 [Panov, P. V. (2019) 'City councils of small and medium cities in Chirikova, A. E., Ledyayev, V. G., Seltser, D. G. (2014) 'Власть в малом российском городе: конфигурация и взаимодействие основных акторов', *Полис. Политические исследования*, 2, сс. 88–105. [Chirikova, A. E., Ledyayev, V. G., Seltser, D. G. (2014) 'Political authority in small Russian towns: configurations and interactions of local players' [Vlast' v malom rossiiskom gorode: konfiguratsiya i vzaimodeistvie osnovnykh aktorov], *Polis. Politicheskie issledovaniya*, 2, pp. 88–105. (In Russ.).] DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2014.02.07>.
- Шкель, С. Н. (2018) 'Почему депутаты не бунтуют: политический потенциал ассамблей в малых городах Республики Башкортостан', *Ars Administrandi (Искусство управления)*, т. 10, 4, сс. 667–686. [Shkel', S. N. (2018) 'Why Deputies Don't Rebel: Political Potential of Assemblies in Small Towns of the Republic of Bashkortostan' [Pochemu deputaty ne buntuyut: politicheskii potentsial assamblei v malykh gorodakh Respubliki Bashkortostan'], *Ars Administrandi*, vol. 10, 4, pp. 667–686, (In Russ.).] DOI: 10.17072/2218-9173-2018-4-667-686.
- Шульман, Е. (2017) 'Демократизация по ошибке. Как самосохранение власти приводит к переменам', *Московский Центр Карнеги*, 7 декабря. [Shul'man, E. (2017) 'Democratization by mistake. How self-preservation of power brings change' [Demokratizatsiya po oshibke. Kak samosokhranenie vlasti privodit k peremenam], *Carnegie Moscow Center*, 7th December. (In Russ.).] URL: <https://carnegie.ru/commentary/74926> (дата обращения: 25.09.2019). (Accessed: 25 September 2019).
- Logan, J., Molotch, H. (1987) *Urban Fortunes: The Political Economy of Place*. Berkeley: University of California Press.
- Mossberger, K., Clarke, S. E., John P. (eds.) (2012) 'Studying Politics in an Urban World: Research Traditions and New Directions', *The Oxford Handbook of Urban Politics*. Oxford: Oxford University Press.
- Ross, C. (2006) 'The Tortuous Path of Local Government Reform in the Russian Federation', *Local Government Studies*, vol. 32, 5, pp. 639–658, DOI: <https://doi.org/10.1080/03003930600896251>.
- Pierre, J. (2014) 'Can Urban Regimes Travel in Time and Space? Urban Regime Theory, Urban Governance Theory, and Comparative Urban Politics', *Urban Affairs Review*, vol. 50, 6, pp. 864–889.

Информация об авторе

Ковин Виталий Сергеевич – кандидат исторических наук, доцент Пермского государственного педагогического университета, научный сотрудник Пермского федерального исследовательского центра. E-mail:

Статья принята к печати: 15.10.2019

WHAT DEPUTIES ARE USED TO RULE? THE COMPOSITION OF THE REPRESENTATIVE BODIES OF THE UDMURT REPUBLIC TOWNS THROUGHT THE EYES OF THE DEPUTIES

V. S. Kovin

*Perm Federal Research Center
Perm State Humanitarian Pedagogical University*

Abstract

Based on the interviews, the article considers social characteristics of the representative bodies of five Udmurt Republic towns: Glazov, Mozhga, Sarapul, Votkinsk, and Kambarka. Local councils of deputies do not play a significant role in the distribution of power in Russian towns and are referred to as ‘dormant institutions’. Their composition largely depends on the economic structure of the town and the staffing policy employed by the heads of their administration. However, the councils retain the role of public spaces for demonstrating political ambitions and status of individual and collective players in local politics and, as such, are used to visually demonstrate the presence of those players in local politics. For key local players, the councils remain the instruments of formal control over the decisions of local administration regarding the distribution of local resources. The conducted field research and analysis of statistical and biographical data made it possible to specify the social composition of local legislatures, dividing them into five main categories of town deputies: ‘public workers’, ‘small and medium-sized entrepreneurs’, ‘big business representatives’ (‘factory representatives’), ‘social activists’, and ‘others’. Based on this classification, the paper also defines four models of local government.

Keywords: small towns; local government; deputies; local politics; local regimes; legislatures.